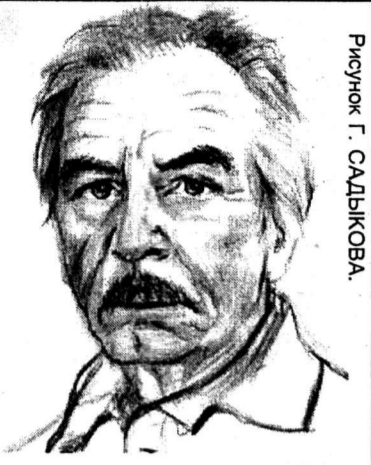

Николай КУРОЧКИН

5

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

Николай Петрович КУРОЧКИН – ветеран литературного движения в городе. Служил боцманом на боевом корабле Тихоокеанского Флота. Варил сталь на марте-новских печах, был журналистом в нашей газете. В Южно-Уральском книжном издательстве в 1954 году вышла первая книга его рассказов «Родня». Регулярно печатается в прессе.

Рисовок Г. САДЫКОВА.

ОБРЫВ

рассказ

«Черт меня дернул ехать! — опять ругнулся Стрельников. — Не все ли равно, как подохнуть — повидав родные места или нет». Правда, он думал об этом и раньше, но все-таки почему-то поехал. То ли бессознательно хотелось оттянуть момент смерти, или действительно надо было поглядеть на домики села, в котором прошло детство. Было и еще одно обстоятельство: как там ни говори, как ни философствуй, что, мол, людские толки трин-трава и мертвому все равно, что о нем будут говорить, а все же неприятно сознавать, что после смерти станут толковать, как о малодушном человеке.

И Стрельников давно искал удобный в этом отношении способ смерти. Он кинул недоброжелательный взгляд в сторону невидимого города. Торная дорога вздымалась на увал, а неподалеку, влево в объезд увала, чуть виднелась поросшая травой старая дорога. Посредине ее была вбита палка с фанерой, на которой написано: «Проезд воспрещен! Опасно для жизни!!!» Ехать там — значит действительно подвергаться риску: дорога проходила краем обрыва на высоте около пятидесяти метров. Нынешние вешние воды унесли еще часть и без того узкой площадки.

— Опасно для жизни... — задумчиво проговорил Стрельников. Он понял, что смысл этой фразы рождает новые мысли, разрешающие его сомнения на предмет людских толков. В самом деле, кому придет в голову обвинять в малодушии человека, который вовсе и не думал кончать жизнь самоубийством, а просто свалился вместе с машиной с обрыва... И так завихрились мысли, и так стало тяжело на душе, что он не смог осознать, почему позолотились вдруг верхушки мерзлых кочек. Из оцепенения его вывел мощный вой «КРАЗ» с пустым тяжелым прицепом. Шофер выглянул из кабины.

— Что случилось, браток? — бодро крикнул он. — Не можешь с места сдвинуться?

«Принесет же нелегкая...» — пододвинул Стрельников, узнав в шофере своего соседа по квартире Ивана Копытова. Иван был чем-то похож на свой автомобиль. То ли немощно низким басом, то ли огромным ростом.

— С чего ты взял, что случилось? — грубо ответил Стрельников.

— А, так это ты! — обрадовался Иван, выходя. — Семену Семеновичу Стрельпельтельникову мой привет! Шабровский привет.

Тут он увидел сплущенную покрышку.

— Напоролся? Ты подумай! Н-да. Менять придется. Менять, говорю, придется?

Стрельников вконец разозлился. Может быть, на то, что Иван помешал утвердиться в удачном решении смерти, которое и без того слабое. Или на то, что судя по всему, Иван, повинувшись древней человеческой привычке, предложит помощь. Может быть, разозлился он и сам из-за себя, из-за своей нерешительности.

— А иди-ка ты к чертовой бабушке! — вспыхнул вдруг. — Советчик нашлся!

Иван опешил.

— Ты что, — спросил он тихо и внимательно приглядываясь, — пьян, что ли?

— Не беспокойся, не ваш брат...

— Чего ж тогда ругаешься?

— А ничего. Не суй нос не в свое дело. Без тебя разберусь.

И демонстративно повернувшись спиной, полез за домкратом. Иван недоуменно потоптался, потом плюнул:

— Хрен с тобой! Ему помочь хотел, а он...

Он рывком открыл дверцу, дал газ. Автомобиль свирепо взревел и скоро исчез в темноте. Тогда Стрельников закинул домкрат в кабину, влез и сам. Колесо он решил не менять. До обрыва машина доберется и на диске. В пропасть она и без покрышки благополучно сверзнется...

Старая дорога была гладкая, трясло меньше. Но ехать все равно приходилось медленно: по-

крышка избилась в клочья, а затем с резким треском и совсем оторвалась, машина села на жесткий колесный диск.

Там, куда не доставала конусная полоса света, начиналась густая и, казалось, вязкая тьма. Справа все же можно было заметить подъем, слева — все круче и круче уходящий уклон. Скоро его совсем нельзя стало увидеть, и чудилось, что «жигуль» идет над бездной. Впрочем, и дорогу тоже стало плохо видно: начался дождь. Капли его крепко стукнули о стекло и тут же застывали.

«Везет...» — невесело подумал Стрельников. Сейчас он был странно спокоен. Он как бы равнодушно наблюдал за собой со стороны.

На последнем пригорке Стрельников включил четвертую скорость. Машина вздрогнула и понеслась к обрыву. Стрельников ясно представлял, как она отделится от земли и полетит вниз. Сердце замрет, как это бывало в детстве при спуске на санках с высоких гор. Затем удар — и крошечная мгла...

Смерть надвигалась с каждой секундой. Задние колеса машины то и дело заносило: дорога успела покрыться льдом. В одно мгновение перед мысленным взором Стрельникова промелькнули события его жизни. А может быть, ничего этого и не было, а просто все: и мысли, и видения прошлого и настоящего слились воедино, во что-то такое, чему и нет на человеческом языке названия. В то, что должно быть, всегда испытывает человек в последние мгновения прощания, что и составляет его бытие — с жизнью. Было и еще нечто, пронизавшее все существо, осознать которое просто необходимо и хотелось, мучительно хотелось, это сделать, хотя бы даже перед самой смертью. Но было совершенно некогда.

И вот тогда-то и понял Стрельников, что ошибался насчет своего странного спокойствия: он вовсе не был спокоен. Нервы натянулись до последнего предела. В такие моменты человек может сойти с ума. И когда в кабине раздался вдруг голос живого существа, ожившего котенка, Стрельников свернул в сторону, ближе к спасительной стене. Теперь машина мчалась по узкому карнизу над обрывом. Нельзя было терять ни одной секунды. Стрельников яростно хватил рулем влево, в обрыв, но не смог повернуть его ни на один миллиметр. Руль был каменно-неподвижен. Он только поворачивался вправо, ближе к скалистому боку горы... Узкая полоска земли, где только что проскокил «жигуленок», с грохотом обрушилась. Этот грохот долго еще стоял в ушах, как насмешка ненужной победы над смертью...

Мотор, между тем, вынес машину на ровную дорогу. Сквозь оледенелое стекло тускло виднелись огни города. Стрельников выключил мотор.

Несколько минут он сидел неподвижно. Не хотелось ни о чем думать, не приходило никаких желаний. Котенок взобрался на колени, холодным носиком ткнулся в ладонь. Стрельников взял его, погладил. Котенок ласково замурлыкал.

И разом припомнилось начало этой поездки, корявая дорога, мысли о самоубийстве и треволнения переезда по опасному месту. В обычном состоянии ни один человек ни за какие возможные и невозможные блага не смог бы здесь проехать. Было горько и обидно, что так получилось. Наверное, виноват в этом котенок, так не вовремя подавший свой голос. Неосознанная тихая радость коснулась сердца. Непрошенная слеза выкатилась вдруг на щеку, поползла вниз. Стрельников не стал ее вытирать. Он попробовал повернуть баранку, убедился, что руль был в исправности. Стало ясно, что котенок был ни при чем. Виновата — сила жизни.

— Что ж, брат, — сказал Стрельников котенку, — видно, не здесь суждено нам с тобой умереть...

Он осторожно посадил котенка

на теплое сиденье, достал снова домкрат и вылез, захлопнув дверь, чтобы в кабине не было холодно. Колочий морозный ветер перехватил дыхание. Ничего не было видно, лишь в стороне города туманно розовело пятно: начинался метельный снегопад.

Стрельников решительно лег на землю, покрытую коркой льда, подполз под машину. Нашулав переднюю ось, он поставил домкрат. Ось была высоко, потому что неповрежденное переднее колесо выехало на крутой край обочины дороги. Держась одной рукой за ось над головкой домкрата, Стрельников пнул ногой по диску поврежденного колеса. Машина качнулась.

«Сейчас съедет в колею, и ось опустится пониже, — подумал Стрельников и еще раз пнул диск сильнее. Машина, точно, слегка скользнула передком, и... жуткая боль схватила за руку. Стрельников вскрикнул и дернулся. Но было поздно. Машина осела, всей тяжестью придавив руку у кисти между осью и головкой домкрата. Еще не понимая всей бедственности, Стрельников еще и еще дергал руку. Автомобиль прочно сидел на месте. Тогда ладонью свободной руки Стрельников ударил в основание домкрата, пытаясь его выбить. Напрасные усилия! Домкрат будто был влит в чугунную землю.

Поднять автомобиль также не удалось. Колени развезлись, и он лишь напрасно обессилел.

А холод все усиливался. Ледяной ветер насковоз пролетал сквозь фуфайку и ватные брюки. Сухой снег набивался в глаза, уши, за шиворот и не таял: настолько он был холоден. Рука уже онемела и не чувствовала боли. Вернее, онемели обе руки — вторая тоже была разбита в кровь. Инструментов рядом не было никаких. Даже перочинного ножа не обнаружил Стрельников в своих карманах.

Тогда он закричал. Его голос смешался с воем пурги и унесся в степную невидную даль. Стрельников понимал, что никто не сможет его услышать. Он сам заехал в такое пустынное место... В ответ лишь глухо шумели снежинки, удаляясь от кузов, да шипели, извиваясь по земле, их змежки.

Завывала седая пурга. И тогда страх неминуемой смерти закрался в душу. И вновь появилось некое непонятное ощущение, какое он испытывал, когда направлял машину в обрыв. Но теперь он скоро понял, что это такое. Это был протест существа против смерти. И подвигился Стрельников своей дикой мысли самоубийства.

Сколько прошло времени, Стрельников не знал. Каждое мгновение тянулось несколько веков. Он все ползал под машиной, силясь освободиться. Ползал, насколько позволяла ему закованная в сталь рука. Ах, если бы она была сломана, эта рука! Он порвал бы сухожилия. Стрельников пожалел, что обессилел. Теперь он уже не в состоянии сломать даже собственную руку. А ведь спасение так близко. Прямо над ним, в теплой кабине. Там и сейчас еще слышится мяуканье и скрип коготков.

... Ветер, наконец, начал теплеть. Стрельников понял, что замерзает. Он еще раз дернул руку. Она была неподвижна. Она была мертва уже. Ее можно было резать, пилить, как любую деревяшку. Но у него не было ни пилы, ни ножа. «И долго же меня не найдут...» — была последняя мысль...

... Его нашли утром, когда яркое солнце залило мир. Он все еще лежал под машиной, и все так же крепко была зажата рука, которую он так и не успел перекусать: замерз. Иван Копытов поставил другое колесо, прицепил на буксир: это он догадался, что Стрельников может замерзнуть, потому что у него авария с колесом. Котенка, который был жив, он посадил за пазуху. И всю обратную дорогу до города люди говорили о великой силе жизни, которая заключена в каждом человеке.

День клонился к закату. Тощие облака длинно тянулись от одного края горизонта к другому. Студеный ветер с визгом скоблил звонкую мерзлую землю, и, казалось, что это протяжно повизгивает сама земля, навевая душевную пустоту, равнодушие ко всему.

А из села, как бы наперекор тоскливому завыванию ветра, доносились жизнерадостный шум: бодрые голоса людей, истошный лай собак, тонкий звон веселой наковальни, где-то задиристо тархтел тракторишко «Беларусь».

На крыше ветхого сарайчика, стоящего на отшибе, перешептывалась трухлявая солома, да из-за угла того же сарайчика слышалось мяуканье котенка. Соломинки падали с крыши на капот «жигуленка», сваливались, скользили по земле, пока не запутывались в сухих кустиках придорожья.

Стрельников ничего не замечал. Одну ногу он поставил на порожек открытой дверцы, словно собираясь влезть в кабину, да так и застыл, облокотившись о колено. Он думал о брентности бытия. Об этом постоянно напоминала глухая тягучая боль где-то над желудком: рак. Понесла же его нелегкая в этот Чернобыль повидать брата. Как раз и попал. Теперь вот... И чем назойливее мяукал котенок, тем ошутимее становилась боль, словно голос котенка, душе-раздирающий, полный беспредельного ужаса, голос беззащитного существа, которого вышвырнули на улицу, имел к ней непосредственное отношение. Котенок наконец появился из-за угла, непонимающе глянул на человека и заковылял к колесу. Стрельников обернулся и еще раз — в последний раз — поглядел на дома поселка, на облака и далекий скучный горизонт. Все. Больше он никогда этого не увидит. Он приезжал сюда попрощаться с родными местами.

Боль усилилась. Стрельников навалился грудью на капот и трудно задыхался. Котенок, меж тем, почуяв тепло из кабины, подобрался, присел, перебирая лапками. Он, боясь высоты, не решился прыгнуть в кабину. Наконец, прыгнул. И выяснилось, что сомневался в своих силках было напрасно: достал лишь передними лапками и повис, задними скребя гладкую стенку.

Скрип когтей был невыносим, проникал в душу. Стрельников с силой поддел котенка носком сапога. Котенок полетел в кабину. Там он звонко шмякнулся о стенку и замертво упал на пол. «Убил», — равнодушно подумал Стрельников, влезая в кабину. Котенка не было жалко. Какая, собственно, разница: теперь котенок сдохнет или пять лет спустя? Все равно ведь сдохнет. И о себе тоже думать нечего. Чем мучиться и умереть — лучше умереть и не мучиться. Очень просто! Стрельников включил скорость, «жигуль» оставил позади село и ветхий сарайчик, служивший гаражом в последнюю ночь.

Осень стояла дождливая. Земля набухла, и по дорогам невозможно было проехать. Шофера рядом со старой дорогой прокладывали новый след, а рядом еще и еще, и уже не понять было, где дорога, а где поле — сплошная мешанина. Частники не отваживались выводить со двора свои «Москвичи», «Волги», и охотники злились: куда уж тут поедешь! Такая погода держалась до середины ноября. Старики только руками разводили — сроду не видывали подобного. В иные годы об эту пору снега по пояс, а тут на тебе — дожди!

Потом грянул мороз. Да такой, что бесформенные комки грязи сразу сделались каменными, и укатать дорогу стало уже нельзя. Ездить, правда, можно было, но очень медленно. Везде подстерегали ямины и острые, как нож, гребни, выдавленные между двойных скатов грузовиков.

По такой-то дороге и ехал Стрельников. Время от времени попадались автомашины. Одни были гружены, в кузовах других сидели люди спиной к кабине: машины шли навстречу ветру. Попался могучий «КРАЗ» с прицепом, на котором уместился разборный дом. Стрельников проводил его равнодушным взглядом: ему было все равно. Что из того, что на окраине села на месте ветхого сарайчика вырастет новый дом? И он будет ветхим!

Машину сильно трянуло, и боль усилилась. Пришлось свернуть еще дальше в степь. Теперь по радиатору гулко постукивали вымороженные стебельки полыни, по бортам шуршал высушенный, но еще зеленый ржанец. Машина шла, покачиваясь, как утка. Будто плыла. Плыла в ту сторону, где выпучивались из равнинной земли предгорья Уральского хребта, туда, где за первым увалом раскинулся большой город. А в городе его ждут жена и сын.

Стрельников вспомнились жена и то время, когда он впервые встретился с ней. Вспомнил и вздохнул. Да, все это далеко прошлое, все это было. Были и встречи, и треволнения влюбленных, ощущение счастья и безграничная убежденность, что жизнь с чем-то еще лучшим, чем прошлое — вся она впереди.

Когда это было? Семь ли лет тому назад? Может быть, семьдесят? Или семсот? Стрельников чувствовал себя таким старым, как будто прожил тысячу лет. Он знал все. Жена, конечно, поплачет после его смерти. Это неважно. Она тоже умрет когда-то. И сын. И сыновья сына. Все это одна и та же песня человеческого бытия...

Так он думал. Он должен был так думать: ему предстоял расчет с жизнью.

... У самого подножья увала, где начиналась песчаная дорога, «Жигуль» напоролся передним колесом на шиловидный камень. Шина хлопнула, свистнул и зашипел воздух. Стрельников заглушил мотор, отшвырнул в угол кабины тело котенка и вылез на улицу. Покрышка под колесом сплущилась в лепешку.

— Чтоб тебя!.. — ругнулся Стрельников. Он хотел сказать: «Чтоб тебя разорвало!», но понял, что это лишнее: покрышка и так была разорвана.

«Что же теперь делать?» — размышлял он, присев у колеса и глядя в зеркальный его колапак. Там отражался в миниатюре разбитый край черной дороги, неприветливая степь и тяжелые влажные тучи, ползущие к увалу. Все это было мрачным в холодном свете гаснущих сумерек. Отражался и он сам. Ни единой мысли не улавливалось на продолговатом помертвелом лице. Только в глубине запавших глаз таилось нечто непонятное: как будто его мысли витали уже в потустороннем мире. Стрельников невольно отвел глаза.

Чтобы сменить колесо, надо было домкратом поднять передок. А земля под колесами была до омертвения неприглядной. Не хотелось глядеть на нее, а не только ложиться. Мало того, что ее исковыряли колесами, кругом валялись камни, вмержшие прутья, обломки досок и перепачканная грязью трава. Очевидно, несколько дней назад здесь застрял грузовик, и все это кидалось под колеса, чтобы не буксовали.